

Розсоха В. О. Соціокультурна мотивація порушення мовних та мовленнєвих норм.

У статті розглянуті основні причини порушення мовних і мовленнєвих норм у сучасній російській мові, а також аналізується відношення до цього процесу носіїв мови та лінгвістів.

Ключові слова: мовна норма, соціокультурна мотивація, мовна і мовленнєва культура, безграмотність.

Розсоха В. А. Социокультурная мотивация нарушения языковых и речевых норм.

В статье рассматриваются основные причины нарушения языковых и речевых норм в современном русском литературном языке, а также анализируется отношение к этому процессу носителей языка и лингвистов.

Ключевые слова: языковая норма, социокультурная мотивация, языковая и речевая культура, безграмотность.

Rozsokha V. A. Sociocultural motivation of breaking the language and speech norms.

The article reviews the main reasons for breaking the language and speech norms in the modern literary Russian and analyzes the attitude of native speakers and linguists to this process.

Key words: language norm, sociocultural motivation, language and speech culture, illiteracy.

УДК 811.161.1'42

И. А. Соболева

**ДИНАМИКА ВЕРБАЛЬНОЙ АГРЕССИИ И НАРУШЕНИЕ
ЛИНГВОЭКОЛОГИЧЕСКОГО БАЛАНСА В СОВРЕМЕННОМ
МЕДИАПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ**

*Мы являемся
свидетелями вербального
языческого бунта.
В. Сорокин*

Мировой экономический кризис и затяжной политический кризис в Украине сформировали агрессивную коммуникативную ситуацию в различных сферах публичного общения. Неотвратимо надвигающиеся президентские (а возможно, и парламентские) выборы только усилят динамику вербальной агрессии, углубят деструктивные процессы в

медиадискурсе України. Особенно очевидна ескалация напруженности в политическом дискурсе.

Все исследователи лингвистической конфликтологии (М. Я. Дымарский, В. И. Жельвис, С. Г. Ильенко, Н. В. Муравьева, Л. Н. Синельникова, В. С. Третьякова, Н. Л. Шубина и др.) отмечают актуальность и востребованность комплексного подхода к изучению конфликта как феномена языка и речи, что подразумевает анализ лингвокогнитивного, социолингвистического, прагматического, психолингвистического и лингвокультурологического аспектов рассматриваемого явления, что, в свою очередь, позволяет говорить о типе дискурса, вступающего в противоречие с позитивной направленностью общения.

Как языку, так и речи изначально присущи некие конфликтогенные свойства, провоцирующие пользователей языка на конфликтное взаимодействие. По словам Н. Д. Голева [1], любой коммуникативный акт потенциально конфликтен, любое высказывание хранит в себе потенциал непонимания или двусмысленного понимания. Исследователь даже высказывает такую мысль, что язык существует и для того, чтобы создавать конфликты. В этой связи, отмечает автор, правомерно говорить об инвективной функции языка; любой язык содержит набор лексических и фразеологических инвективных средств, интонационных схем, моделей речевого поведения, обслуживающих зону инвективности.

Безусловно, конфликт является неотъемлемой характеристикой процесса коммуникации. Борьба за власть же имеет две стороны: борьбу находящихся у власти политиков за сохранение своего положения и борьбу политиков, идущих к власти. Соответственно политический дискурс предполагает наличие знаков противостояния и агрессии.

В настоящей статье делается попытка анализа инвективной агрессивной стратегии в современном политическом медиадискурсе Украины. Под инвективом нами понимается любое вербальное проявление агрессии или стилистически сниженной экспрессивности, оценочности, эмотивности и эзотеричности по направлению к адресату речи, к ситуации, к теме, предмету или процессу социально-речевого общения. Инвективная агрессивная стратегия политического медиадискурса проявляется в нарушении этнокультурного социально-этического табу, основанного на употреблении сниженных и субстандартных языковых единиц.

А. П. Чудинов [2, с. 57—58] выделяет следующие формы проявления агрессивности в современном политическом дискурсе:

1. Призывы к физической агрессии и метафорическая характеристика политических действий как физической агрессии.

2. Использование инвектив.

3. Негативная оценка политических оппонентов, национальных, социальных и других групп, политических институтов и т. д., выражаемая в грубой, иронической, двусмысленной форме.

4. Использование специальных знаков агональности, к которым относятся маркеры «чуждости», показатели умаления значимости, выражения недоверия к искренности оппонента и достоверности его суждений.

5. Возбуждение тревожности, неуверенности, ощущение чрезмерной зависимости от государства и общества, неудовлетворенности существующим в стране положением дел и страха перед будущим.

Все выше названные А. П. Чудиновым формы появления агрессии не просто актуальны для современного политического дискурса Украины, а они имеют тенденцию к обострению, с одной стороны, и к примитивизации механизмов их организации, с другой.

Особую роль в «разжигании» агрессии и конфликтогенности играют политически ангажированные и крайне поляризованные СМИ. Изначально призванные отображать настроения и чаяния большинства членов социума, они усиливают ощущение тупиковости политической ситуации, неверия в оптимистическое развитие событий. Видимо, именно затяжной политической кризис, выхода из которого не видит практически никто, порождает крайне пессимистические настроения и проявления крайних форм агрессии.

Для определения степени агрессивности медиадискурса, а затем выявления способов ее проявления, необходимо сопоставить план содержания и план выражения, то есть учитывать не только его формальную сторону (композицию, язык), но и интенции автора. Ю. В. Южакова считает, что стремление сформировать у адресата речи негативное отношение, нанести вред описываемому объекту, указывает на проявление агрессии и наличие негативных интенций [3].

Мы различаем инструментальную и враждебную языковую агрессию.

Инструментальная языковая агрессия является важным средством достижения какой-либо дискурсивной цели. Это имплицитная по форме выражения агрессия, она реализует скрытые негативные интенции адресанта, имеющие общую установку — стремление завуалировать негативное отношение к объекту агрессии, представить это отношение в «дозированном», предусмотренном лингвокультурными и медийными нормами виде. Такого рода агрессия изначально свойственна публицистическому дискурсу, по сути — это тексты экспрессивного типа, в которых основную роль играют выразительные средства языка. Степень агрессивности таких дискурсов определяется исходной авторской интенцией, композицией, языковыми средствами и т. д. Враждебная языковая агрессия — это эксплицитная агрессия с ярко

выраженной интенцией нанести вред, обидеть, унижить и даже оскорбить объект высказывания. Такая языковая агрессия «опирается» на эмоционально-экспрессивный фонд языка и выражается с помощью стилистически маркированных языковых единиц (просторечий, жаргонов, обценной лексики). Механизмы враждебной агрессии наиболее частотно реализуются в бытовых диалогах конфликтного характера (в общественном транспорте, на рынке и т. д.) и характеризуют их участников как людей низкой речевой культуры. Примечателен тот факт, что механизмы враждебной (бытовой, примитивной) языковой агрессии активно эксплицируются в современном политическом медиадискурсе.

Сплошь и рядом мы сталкиваемся в современных медиа с языковой агрессией, представляющей собой эмоциональную оценку объекта высказывания со знаком «минус». Для таких дискурсов характерны категоричность суждений, однозначность оценок, использование сниженных языковых средств. Например: *«Можно было бы уделить внимание камуфляжным генералам с героическим профилем и гнилыми душами, разным юридическим сынам и прочим обитателям украинского политического дурдома, но много им будет чести, сколотили деньгу на обмане, и люди в очередной раз утерли сопли»* (Корреспондент, 17.06.09). В этом достаточно типичном с точки зрения стилистического фона и аксиологического вектора медиадискурсе наблюдается высокая степень концентрации сниженных языковых средств, выражающих враждебную языковую агрессию как доминантную коммуникативную стратегию.

Однако сниженная языковая среда, столь прочно вошедшая в речеповеденческий потенциал современных медиа и ставшая маркером (по выражению В. Г. Костомарова) «языкового вкуса эпохи», перестает быть достаточно «отрицательно заряженной» для выражения негативной оценки и крайней степени языковой агрессии. В поисках еще более экспрессивно-негативно заряженных языковых средств адресант речи «опускается» на еще одну ступеньку, и в результате таких поисков выражения враждебной агрессии в современном политическом медиадискурсе все чаще и чаще стала употребляться обценная лексика, вульгаризмы. В одних случаях — это так называемые завуалированные формы инвектив и бранных выражений (употребление отточия, недосказанности, эвфемизмов), в других — прямая экспликация обценной лексики.

Сравнительно недавно (в 2004 г.) Е. И. Шейгал, анализируя российский политический дискурс, заявляла: «...брань, на наш взгляд, не является специализированным знаком агрессии в политическом дискурсе. Коммуникативные нормы институционального общения не приемлют бранной инвективности, и ее следует рассматривать как прагматическое заимствование из сферы бытового общения» [4, с. 21].

Анализ современного медиаполитического дискурса Украины свидетельствует об обратном. Бранный, злобный, оскорбительный язык стал неотъемлемой частью политического дискурса Украины.

Очень часто обценные и грубо-просторечные выражения употребляются в заголовках, манифестирующих и коммуникативную стратегию, и враждебную интенциональность адресата. Такая тональность сильной позиции текста в значительной степени влияет на восприятие всего дискурса, она же программирует у адресанта ответную агрессию. Например: 1. «*Пошли все на...*» (Фокус, 12.04.07); 2. «*Иди же сюда, сволочь!*» (Ракурс-плюс, 13.06.09); 3. «*С кирзовым рылом в хромовый ряд*» (Реальная газета, 30.05.08); 4. «*Так все-таки: ё-маё или во-бля?*» (Ракурс-плюс, 13.07.07); 5. «*Как нас хотят поиметь...*» (Корреспондент, 30.06.08). Такая аксиологическая и стилистическая направленность заголовков политических медиадискурсов предполагает совпадение ценностных ориентаций адресанта и адресата. Цель инвективной интенции сродни оскорблению и заключается в понижении социального статуса оппонента или политической силы. Кроме того, в выше приведенных примерах можно говорить и об эксплетивной цели, когда бранная лексика употребляется безадресно, как грубое и вульгарное междометие. Это, безусловно, совершенно не типично и не оправданно для публицистического стиля, а более характерно для определенных социально-лингвистических ситуаций бытовой речи.

Рассматривая инвективные тенденции современного медиаполитического дискурса, нельзя обойти сложный и неоднозначный комплекс этико-культурологических проблем, связанных с этим типом речевого поведения. Безусловно, процессы демократизации (в широком понимании этого понятия) во многом повлияли на раскрепощение речевого поведения. Появилось много сторонников, если не апологетов, полной языковой свободы. Среди них — В. Сорокин, заявивший в одном из своих интервью: «Литератор, обходящийся без мата, равносителен пианисту, отрезавшему себе один из пальцев. Можно и так играть. Но я предпочитаю десятью пальцами» [5, с. 32—33]. С. Шнуров, до недавнего времени солист группы «Ленинград», художник, бывший студент религиозно-философского института, тоже считает, что мат несет в его песнях смысловую нагрузку и идеально выражает состояние между жизнью и смертью. Один из самых ярких современных журналистов А. Минкин так оправдывает наличие бранной лексики в современных медиа: «Не я сделал людей такими, что, кроме мата, у них почти нет языка. Я обязан говорить на языке улицы, если хочу, чтобы меня понимали. А я именно этого хочу» [6, с. 41]. Аргументы А. Минкина выглядят малоубедительными, они скорее популистские и приспособленческие. Но во все нарастающем шквале враждебной агрессии современных массмедиа, в этом бесконечном сражении между «своими» и «чужими» уже не работают правила, нормы, ограничения и

табу. Современный политический медиадискурс живет по принципу «Все средства хороши!» С позиций лингвистической прагматики агрессия является вспомогательной коммуникативной стратегией, способствующей достижению коммуникативной цели путем вуалирования исходных негативных интенций адресанта или смягчения эксплицируемой негативной отрицательной оценки. Иначе говоря, в основе любой агрессии — поиск согласия, толерантности. СМИ могут и должны оказать влияние на поиск согласия и формирование социальных установок толерантного поведения. Экспертная оценка и анализ возможных социальных последствий показывает, что градус враждебной вербальной агрессии современных медиа стал угрожающе аффективным, злобным и разрушительным.

Литература

- 1. Голев Н. Д.** Юридический аспект языка в лингвистическом освещении // Юрислингвистика: проблемы и перспективы : межвуз. сб. научных трудов / Н. Д. Голев. — Барнаул : БГУ, 1999. — С. 17—52.
- 2. Чудинов А. П.** Политическая лингвистика / А. П. Чудинов. — М. : Наука, 2007. — 254 с.
- 3. Южакова Ю. В.** Толерантность массово-информационного дискурса идеологической направленности : автореф. дис. на соискание уч. степени канд. филол. наук : спец : 13.01.01 «Русский язык и литература» / Ю. В. Южакова. — Челябинск, 2007. — 20 с.
- 4. Шейгал Е. И.** Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. — М. : Гнозис. — 326 с.
- 5. Сорокин В.** Литератор без мата... / В. Сорокин // Арт-мозаика. — 2007. — № 4. — С. 32—33.
- 6. Минкин А.** Я просто выключаю свет / А. Я. Минкин. — М. : Просвещение, 1999. — 317 с.

Соболева І. О. Динаміка вербальної агресії та порушення лінгвоекотологічного балансу у сучасному медіаполітичному дискурсі.

Стаття присвячена аналізу динаміки інвективної стратегії сучасного медіаполітичного дискурсу.

Ключові слова: медіаполітичний дискурс, інвектив, вербальна агресивна стратегія.

Соболева И. А. Динамика вербальной агрессии и нарушение лингвоекотологического баланса в современном медиаполитическом дискурсе.

Статья посвящена анализу динамики инвективной стратегии современного медиаполитического дискурса.

Ключевые слова: медиаполитический дискурс, инвектив, вербальная агрессивная стратегия.

Soboleva I. A. Dynamics of verbal aggression and infringement lingua-ecological balance in modern mediapolitical discourse.

The article is devoted to the analysis of dynamics of abusive strategy of modern mediapolitical discourse.

Keywords: mediapolitical discourse, invective, verbal aggressive strategy.

УДК [811.161.1 : 811.161.2]’ 246.2

В. И. Ковалёв

**СУРЖИК И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ В УКРАИНЕ**

Так называемый суржик и в наши дни относится к числу широко распространённых, широко известных, широко обсуждаемых, но всё-таки малоизученных явлений.

Действительно, суржик можно услышать в устной речи как рядовых граждан, живущих в самых разных регионах Украины, так и высших государственных деятелей — президента, премьер-министра, председателя и депутатов Верховной Рады. Суржик можно увидеть в телевизионных титрах и газетных статьях, на этикетках товаров и рекламных плакатах. Суржик появляется в интервью и бытовых беседах, неподготовленных и подготовленных монологах, авторских текстах и текстах, прошедших редактирование. Тихонько посмеиваясь над своими гонителями, суржик проникает даже в публикации, посвящённые борьбе с ним самим...

В самом деле, разножанровые тексты, тематически связанные с суржигом, в последнее десятилетие XX века — первое десятилетие XXI века выходили в свет часто. В центре внимания их авторов находятся такие проблемы:

- оценка суржика с точки зрения культуры украинской речи;
- его место в системе украинского национального языка;
- создание терминов и дефиниций, адекватно отражающих сущность этого речевого явления;
- уровневая классификация суржика,
- причины его широчайшего распространения в наше время;
- коммуникативно-прагматическая характеристика суржика в различных сферах общения;
- влияние билингвизма на появление суржика в процессе коммуникации.